

УДК 821.161.1-34-93
ББК 84(2Рос=Рус)6я 83
К14

Казаков, Юрий Павлович.

К14 Арктур — гончий пёс / Ю. Казаков.; худож. Н. Фёдорова. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 173, [3] с.: ил. — (Дошкольное чтение).

ISBN 978-5-17-119039-2.

Юрий Павлович Казаков (1927–1982) — талантливый писатель, который следовал традициям русской классической литературы. Творчество писателя сравнивали с творчеством И. Тургенева, А. Чехова, А. Куприна. А прозу его называли поэтической. В книге известны е рассказы «Арктур — гончий пёс», «Тедди», «Скрип-скрип» и другие. Это рассказы о преданности и любви животных к человеку, о том, как бы изменился мир, если бы человек стал человечнее...

Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-34-93
ББК 84(2Рос=Рус)6я 83

© Казаков Ю. П., насл., 2019
© Фёдорова Н. А. ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

АРКТУР — ГОНЧИЙ ПЁС

История появления его в городе осталась неизвестной. Он пришёл весной откуда-то и стал жить.

Говорили, что он приплыл на льдине в весеннее половодье. Он стоял, чёрный, среди белоголубого крошева, один неподвижный среди общего движения. А наверху летели лебеди и кричали: «Клинк-кланк!»

Шурша и глухо лопаясь, шёл по реке лёд, кричали лебеди, а он стоял на льдине, поджав хвост, настороженный, неуверенный, внюхиваясь и вслушиваясь в то, что делалось кругом. Когда льдина подошла к берегу, он заволновался, неловко прыгнул, попал в воду, но быстро выбрался на берег и, отряхнувшись, скрылся среди штабелей леса.

Так или иначе, но, появившись весной, когда дни наполнены блеском солнца, звоном ручьёв и запахом коры, он остался жить в городе.

О его прошлом можно только догадываться. Наверно, он родился где-нибудь под крыльцом, на соломе.

Он родился, как и все щенки, слепым, был тотчас облизан матерью и положен поближе к тёплому животу, ещё напряжённому

в родовых схватках. И пока он лежал, привыкая дышать, у него всё прибавлялись братья и сёстры. Они шевелились, кряхтели и пробовали скулить — такие же, как и он, дымчатые щенки с голыми животами и короткими дрожащими хвостиками.

В своё время у всех щенят прорезались глаза, и они узнали с восторгом, что есть мир, ещё более великий, чем тот, в котором они жили до сих пор. У него тоже открылись глаза, но ему никогда не суждено было увидеть свет. Он был слеп, бельма толстой серой плёнкой закрывали его зрачки. Для него, слепого, настала горькая и трудная жизнь. Она была бы даже ужасной, если бы он мог осознать свою слепоту. Но он не знал того, что слеп, ему не дано было знать. Он принимал

жизнь такой, какой она досталась ему.

У него не было хозяина, который дал бы ему кров, кормил бы его и заботился о нём, как о своём друге. Он стал бездомным псом-бродягой, угрюмым, неловким и недоверчивым. Мать, выкормив его, скоро потеряла к нему, как и к его братьям, всякий интерес. Он научился выть, как волк, так же длинно, мрачно и тоскливо. Он был грязен, часто болел, рылся на свалках возле столовых, получал пинки и ушаты грязной воды наравне с такими же бездомными и голодными собаками.

Он не мог быстро бегать, ноги, его крепкие ноги, в сущности, не были ему нужны. Всё время ему казалось, что он бежит навстречу чему-то острому и жёсткому. Когда он дрался с

рега стояла пристань, пахнувшая рогожей, канатом, сырой гнилью и воблой. На пристани этой редко кто сходил, разве только пригородные колхозники в базарный день да командированные в серых плащах, приезжавшие из области на лесозавод.

Вокруг города по низким, пологим холмам раскинулись леса, могучие, нетронутые: лес для сплава рубили в верховьях реки. В лесах попадались большие луговины и глухие озёра с огромными старыми соснами по берегам. Сосны всё время тихонько шумели. Когда же с Ледовитого океана задувал прохладный, влажный ветер, нагоняя тучи, сосны грозно гудели и роняли шишки, которые крепко стучались о землю.

Я снял комнату на окраине, наверху старого дома. Хозяин

.....
мой, доктор, был вечно занятый, молчаливый человек. Раньше он жил с большой семьёй, но двух сыновей его убили на фронте, жена умерла, дочь уехала в Москву, и доктор жил теперь один и лечил детей.

Окно моей комнаты выходило в одичавший сад, заросший смородиной, малиной, лопухом и крапивой вдоль забора. По утрам за окном возились воробьи, тучами налетали дрозды клевать смородину — доктор не гонял их и ягоду не собирал. На забор иногда взлетали соседские куры с петухом. Петух громко пел, вытягивая кверху шею, дрожал хвостом и с любопытством смотрел в сад. Наконец он не выдерживал, слетал вниз, за ним слетали куры и поспешно начинали рыться возле смородиновых кустов. Ещё в сад

забредали коты и, затаившись возле лопухов, следили за воробьями.

Я жил в городе уже недели две, но всё никак не мог привыкнуть к тихим улицам с деревянными тротуарами, с прорастающей меж досок травой, к скрипучим ступеням лестницы, к редким гудкам парашодов по ночам.

Ночью наш сад пах смородиной и росой, с террасы доносился тихий храп доктора. А на реке бубнил мотором катер и пел гнусавым голосом: «Ду-ду-ду...»

Однажды в доме появился ещё один обитатель. Вот как это произошло. Возвращаясь как-то с дежурства, доктор увидел слепого пса. С обрывком верёвки на шее он сидел, забившись между бревнами, и дрожал. Док-

тор и раньше несколько раз видел его. Теперь он остановился, рассмотрел его во всех подробностях, почмокал губами, посвистал, потом взялся за верёвку и потащил слепого к себе домой.

Дома доктор вымыл его тёплой водой с мылом и накормил. По привычке пёс вздрагивал и поджимался во время еды. Ел он жадно, спешил и давился. Лоб и уши его были покрыты побелевшими рубцами.

— Ну, теперь ступай! — сказал доктор, когда пёс наелся, и подтолкнул его с террасы.

Пёс уперся и задрожал.

— Гм!.. — произнёс доктор и сел в качалку.

Наступал вечер, небо потемнело, но не гасло совсем. Загорелись самые крупные звёзды. Гончий пёс улёгся на террасе и задремал. Он был худ, рёбра

выпирали, спина была острой, и лопатки стояли торчком. Иногда он приоткрывал свои мёртвые глаза, настораживал уши и поводил головой, принюхиваясь. Потом снова клал морду на лапы и закрывал глаза.

А доктор растерянно рассматривал его и ёрзал в качалке, придумывая ему имя. Как его назвать? Или лучше избавиться от него, пока не поздно? На что ему собака? Доктор задумчиво поднял глаза: низко над горизонтом переливалась синим блеском большая звезда.

— Арктур... — пробормотал доктор.

Пёс шевельнул ушами и открыл глаза.

— Арктур! — снова сказал доктор с забившимся сердцем.

Пёс поднял голову и неуверенно замотал хвостом.

— Арктур! Иди сюда, Арктур! — уже властно и радостно позвал доктор.

Пёс встал, подошёл и осторожно ткнулся носом в колени хозяину. Доктор засмеялся и положил руку ему на голову.

Собаки бывают разные, как и люди. Есть собаки нищие, попрошайки, есть свободные и угрюмые бродяги, есть глуповосторженные брехуны. Есть унижающиеся, вымаливающие подачки, подползающие к любому, кто свистнет им. Извивающиеся, виляющие хвостом, рабски умильные, они бросаются с паническим визгом прочь, если ударить их или даже просто замахнуться.

Много я видел преданных собак, собак покорных, капризных, гордецов, стоиков, подлиз, равнодушных, лукавых и пустых. Арк-

